

и оковы, сходные с кандалами недавнего времени, пережившими почти без изменений всю кровавую тысячелетнюю историю классового общества в России. Освобожденный чудом Бориса и Глеба узник, проснувшись вне темницы («на погреб»), увидел вокруг себя «железа изламана», т. е. обломки разбитых цепей, а «обруча, яже о ногу его» были «извиты, аке уже», т. е. перекручены сверхъестественной силой, как веревки.

И земляные тюрьмы и цепи были хорошо знакомы читателям «Сказания» и господам, и «простьцам», конечно, последним куда ближе. Да и самый факт разбития оков, может быть, не представлялся людям того времени столь «чудесным» — тогда на Руси еще не перевелись рассказы о богатырях, способных голой рукой вырвать кусок кожи у разъяренного быка. А самый образ посаженного в «погреб» «мужа» напоминает образы былинных богатырей, попадавших в княжью немилость: «во погреба холодные» был посажен Ставр Годинович; могучий Илья Муромец, способный «выпинуть» «двери и колоды» «погребов глубоких» и «без ключей замочки отшелкивать», сам был заключен Владимиром в погреб, на который

Навалили дубья-колоды со всех сторон,
Да засыпали песками желтыми,

как были засыпаны в погреб и вышгородские узники.

Так, силой классовой борьбы, требовавшей от церковного писателя, вступавшего в борьбу с «шатанием» и мятежом народа, новых средств убеждения, в его труд входил дух историзма и жизненной правды в его средневековом понимании, а следом за ними и освоение приемов народного творчества.

4

«Сказание о чудесах» тесно связано с современной ему литературой и общественной жизнью существенной стороной своего содержания.

В конце XI—начале XII в. под давлением того же сопротивления угнетенных классов складывается характерная концепция церковно-политической пропаганды — теория общественного примирения, всеобщего согласия и гражданского мира. Ее появление во второй половине XI в. и развитие в начале XII в. детально прослежено в исследовании И. У. Будовница.⁶⁸ Эта теория нашла отражение в «Изборнике» Святослава 1076 г., Начальном своде и «Поучении» Мономаха. Ее смысл — в рекомендации господам кротости и человеколюбия в отношении к подданным, милостыни — бедным, осторожности в обращении с «меньшими», чтобы «не разгневать мужа в нищете его». А для народа проповедуется терпение к социальным несправедливостям, покорность господам и властям предрержащим и безропотный труд. Эта весьма утонченная и опасная для народа пропаганда имела задачей сгладить социальные противоречия, смягчить недовольство угнетенных классов. Исследователь справедливо полагает, что такие сборники правил житейской морали, как «Изборник» 1076 г., были рассчитаны не только на потребу социальных верхов, но и для назидательного чтения «рабам» и «убогим» их господами.⁶⁹ В «Поучении» Мономаха звучит та же проповедь терпения и всепрощения и рисуется вполне идеалистический образец феодала, пекущегося о народе, гуманно и справедливо судящего своих худых смердов и убогих вдовиц, защищающего своих людей от произвола вотчинной администрации. Мономах дважды обращается к теме

⁶⁸ И. У. Будовниц. «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 44—75.

⁶⁹ И. У. Будовниц. «Изборник» Святослава 1076 г. ..., стр. 52.